

Проблемы перевода Problems of Translation

—◆◆◆—
*Посвящается 85-летию со дня рождения
выдающегося советского переводчика и теоретика
всемирно известной русской школы перевода
Александра Давидовича Швейцера
(1923 – 2002)*

Слово Учителю

8 декабря 2008 года исполнилось 85 лет со дня рождения Александра Давидовича Швейцера. Из оставленного Александром Давидовичем творческого наследия ничто не забыто: его наблюдения о практике перевода и размышления о теории перевода внимательно изучались и цитировались; они по-прежнему изучаются и цитируются и будут цитироваться всеми, кто занимается межъязыковым переводом – столь крупномасштабно думал, творил и переводил он, наш Учитель.

В нем ощущались целостность и гармоничность образа безупречного переводчика-практика и талантливого лингвиста, Мастера перевода, ставшего легендой еще при жизни. Не каждому переводчику выпадает на долю работать с президентами США, в частности, с Дуайтом Эйзенхауэром, нобелевскими лауреатами – Игорем Таммом

и Петром Капицей, видными предпринимателями – Нельсоном и Дэвидом Рокфеллерами, политиками разных стран и течений, такими писателями, как Артур Миллер, и многими, многими другими людьми, повлиявшими на событийный поток своей эпохи. Без сомнения, переводческая Судьба под стать профессионализму Мастера. Однако не только розами был усыпан его профессиональный путь. Учитывая события того времени, жизненная стезя военного переводчика вряд ли могла окантоваться простой.

В 1943 г. со студенческой скамьи Военного института иностранных языков А.Д. Швейцер был призван в армию фронтовым переводчиком, воевал на Центральном, 1-м, 2-м и 3-м Белорусских фронтах. А.Д. Швейцер имел десять правительственных наград. Участие в Великой Отечественной

войне с 1943 г. по 1945 г. сыграло огромную роль в становлении Александра Давидовича как личности.

Когда после войны Швейцер вернулся в ВИИЯ и в начале 1947 г., заканчивая последний курс, готовился к государственным экзаменам, его вновь откомандировали, на этот раз в Токио для работы переводчиком в международном суде над главными японскими преступниками Второй мировой войны. Но не три-четыре месяца длился токийский процесс, как изначально информировало Министерство юстиции СССР, по линии которого была организована командировка¹. Работа международного военного трибунала продлилась более двух лет, в течение которых переводчики были подчинены строго размеренной работе большого механизма – аппарата сотрудников Международного трибунала по Дальнему Востоку. Ярко описывает Александр Давидович участие переводчиков в «юридическом сражении»: «Для того чтобы огромная машина судебного процесса могла действовать без перебоев, требовались опытные и квалифицированные переводчики, которые приводились к присяге, обязуясь точно и с исчерпывающей полнотой переводить все материалы процесса. Устные переводчики, сидя в застекленных звуконепроницаемых кабинках, переводили синхронно готовые письменные тексты (обвинительного заключения, приговора, письменных показаний). Все остальное (допрос свидетелей, прения сторон) переводилось последовательно, т.е. вслед за говорящим. В этом, по-видимому, сказывалось известное недоверие к находившемуся еще в младенческом возрасте синхронному переводу»².

О страстной любви Александра Давидовича к синхронному переводу мне часто рассказывал его инязовский товарищ и фронтовой друг Лев Григорьевич Кашкуревич³, переводчик с польского, утверждавший, что, садясь в синхронную будку, «Саша преображался и сразу говорил своим напарникам: "Гуляйте, ребята! Приходите сменить меня через час"». Всем известно, что синхронисты сменяют друг друга через равные промежутки времени, составляющие, как правило, не более 20–30 минут.

Нет случайности в том, что индекс цитируемости А.Д. Швейцера превосходит границы разумной достаточности – тысячи ссылок и гипер-

ссылок в глобальной информационной сети. Это – одно из свидетельств признания жизнеспособности рожденных им идей и поистине бессмертности наследия Мастера перевода, который писал: «Вся моя жизнь связана с переводом... Мне всегда хотелось разгадать тайну перевода, понять, как протекает этот сложнейший, связанный с преодолением языковых и культурных барьеров вид общения»⁴.

Мастер заслужил такую память: на его книгах выросли поколения переводчиков нашей страны; его профессиональные примеры перевода были убедительны, планка мастерства высока. Врожденная уникальная память позволяла ему виртуозно, словно играючи, взаимозаменять языковые коды и препарировать любую тематику, невзирая на сложность.

Поистине велик вклад Александра Давидовича в развитие теоретической лингвистики: это и совершенно новые направления – теория перевода, социолингвистика, – и столь востребованное в 1970-е гг. и поныне актуальное – описание американского варианта английского языка, о статусе которого так много спорили лингвисты разных стран. Докторская диссертация А.Д. Швейцера противопоставила атомистическому и фрагментарному подходу, отраженному в лингвистической литературе того времени, «систематизированное сопоставление английского языка в Америке во всех его аспектах с английским языком в Великобритании»⁵, явившись обоснованным доказательством с системно-структурных позиций статуса американского как варианта английского языка, но не как отдельного самостоятельного языка.

И сейчас, в наш высокотехнологичный век, когда ценностные ориентиры людей все заметнее смещаются в сторону весьма предсказуемых потребительских предпочтений, труды Александра Давидовича представлены на международном полиграфическом рынке⁶. Неослабевающий интерес крупнейших зарубежных издательств к книгам Учителя – красноречивое тому свидетельство⁷.

⁴ Швейцер А.Д. Глазами переводчика. М., 1996. С. 3.

⁵ Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1966. С. 3.

⁶ Обратим внимание на встречающуюся в международных публикациях двойную форму написания фамилии А.Д. Швейцера: согласно правилам международной транслитерации – A.D. Svejčer – и согласно английской транслитерации – A. D. Shveitser; эти формы взаимозаменяемы.

⁷ Приведем, к примеру, ссылки на представительные зарубежные издательства, давно позиционированные на книжном рынке, а именно: John Benjamins Publishing Corporation и Walter de Gruyter Incorporated, которые переиздают англоязычные книги А.Д. Швейцера (одна

¹ А.Д. Швейцер закончил ВИИЯ лишь в 1949 г.

² Швейцер А.Д. Глазами переводчика. М., 1996. С. 7.

³ Кашкуревич Лев Григорьевич – военный переводчик с польского, кандидат филологических наук, профессор, много лет преподавал в ВУМО (Военном университете МО РФ, в прошлом – ВИИЯ) и МГИМО, автор учебников по польскому языку для русскоязычных; как и Александр Давидович, ветеран Великой Отечественной войны.

Иными словами, классика не девальвируется. Время не властно над серьезной творческой мыслью – она нетленна и современна сегодня так же, как и четверть века назад.

При всей недоступности внутренней жизни Александра Давидовича для внешнего наблюдателя, именно диалогичность составляла основу его личности и самобытного характера: он был способен растворить любую сознательную попытку проникновения в свой мир, не столько закрываясь от вторжения, сколько инстинктивно помогая партнеру по диалогу сохранить свою идентичность. И в этом – величие Учителя. Его замечания были точны и содержательны, его юмор – тонок и остер, его понимание – всеобъемлюще и человечно.

Вспоминается эпизод, когда в середине 1990-х на предложенный мной весьма скудный ассортимент мороженого, который можно было разыскать в жаркий летний день в Парке искусств у Крымского моста, – орехового, крем-брюле и клюквенного – он отвечал: «*А клюква развешивается?*». На мой вопрос о том, когда же Виктор Суходрев⁸ (по признанию самого Александра Давидовича, его «первый и любимейший ученик»), поделится с переводческим сообществом накопленными секретами мастерства, заметил исчерпывающе: «Виктор не из тех, кто себя раскрывает. Он работу не обсуждает... Мы очень дружили семьями, но это было давно – *two wives ago*» (*две жены тому назад*).

Не счесть примеров лингвистической находчивости Учителя. Не счесть россыпи его мудрых и прозорливых мыслей о переводе как искусстве,

в соавторстве с Л.Б. Никольским): *Aleksandr D. Svejcer. Standard English in the United States and England. Walter de Gruyter, 1978. (http://books.google.com/books?id=YdgsQQnkmHAC&dq=Svejcer&printsec=frontcover&source); Contemporary Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods (Linguistics and Literary Studies in Eastern Europe, Volume 15). Amsterdam: John Benjamins, 1986. (http://www.amazon.com/Contemporary-Sociolinguistics-Problems-Linguistics-Literary); Svejcer A.D., Nikol'skij L.B. Introduction to Sociolinguistics. Amsterdam: John Benjamins Publishing Corporation, 1986. (http://www.amazon.com/Introduction-Sociolinguistics-D-Svejcer/dp/9027215162).*

⁸ Виктор Суходрев, Кремлевский переводчик, имеющий полувековой стаж работы с первыми лицами нашей страны, автор книги «Язык мой – друг мой (От Хрущева до Горбачева...)» (М., 1999), метко прозванный коллегами «гордостью профессии – генеральным переводчиком Кремля» (каламбур мидовских переводчиков, построенный на основе советской социологемы «Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС»). Наш разговор с Александром Давидовичем о В. Суходреве происходил до выхода в свет названной книги.

науке и ремесле, столь любимом им, столь понимаемом изнутри, столь осязаемом на перспективу. «Переводческое ремесло – это не только поиск нужного слова, не только решение сложных языковых и культурологических проблем. Это еще и люди, страны, события и встречи, память о которых навсегда остается с тобой», – пишет Александр Давидович в своих воспоминаниях. Небезынтересно, что Мастер долго сомневался в ценности своих воспоминаний, полагая, что они не смогут многого добавить к мемуарам главных действующих лиц на сцене исторических событий. Однако со временем он поменял точку зрения, написав: «Позиция переводчика как наблюдателя уникальна. Его роль как посредника между двумя языками и двумя культурами дает возможность подмечать многое из того, что ускользает из поля зрения других участников международных встреч»⁹.

Однако непреходящий интерес у Александра Давидовича всегда вызывал собственно переводческий процесс – любимый объект изучения, которому он и отдал всю свою исследовательскую энергию: «Богатейшая практика перевода еще ждет своего теоретического осмысления. Нами сделаны лишь первые, хотя и многообещающие, шаги в познании процесса перевода»¹⁰, – сказал Мастер в 1988 г. Это и есть программа действий для нас, учеников.

А что мы, ученики? Мы помним свои переводческие корни – это тот фундамент, на котором базируется наше переводческое бытие. Мы помним учение Александра Давидовича и работаем над продолжением начатых им традиций теоретического осмысления процесса межъязыкового перевода.

Мы помним. Мы не забыли.

И мы не забудем!..

Светлана Власенко,
докторант Института языкознания РАН,
кандидат филологических наук, доцент

⁹ Швейцер А.Д. Глазами переводчика. М., 1996. С. 3.

¹⁰ Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 4.

Слово Учителя

© 2008

А.Д. Швейцер

Перевод и лингвистика: эволюция связей*

Теория перевода первоначально развивалась в двух направлениях – лингвистическом и литературоведческом. Вначале эти две линии переводоведческих исследований развивались совершенно автономно. При этом не предпринималось никаких попыток их интеграции. Лингвистический подход оказался полезным для определения языковых факторов, в основном структурных и функциональных расхождений между двумя языками, лежащих в основе определенных стратегий перевода, в то время как литературоведческий подход способствовал выявлению роли литературных традиций в формировании переводоведческих норм. Отход от сепаратистских тенденций в языкознании и обусловленное этим взаимовлияние лингвистики и родственных наук стимулировали развитие междисциплинарных тенденций в теории перевода, которая не довольствовалась исследованием языкового механизма перевода. Поиск экстралингвистических факторов, приводящих в действие этот механизм, расширил горизонты исследования, вышедшего далеко за пределы собственно лингвистики.

Перевод как процесс уже не мог рассматриваться в отрыве от социокультурных факторов, формирующих его стратегии и нормы. В настоящее время этот процесс рассматривается все в большей мере в широком контексте с учетом его социальных, культурных и психологических ас-

пектов. Ю. Найда был одним из первых исследователей, обосновавших междисциплинарный статус науки о переводе [1]. Перевод, рассматриваемый как технология, основывается, по его словам, на ряде научных дисциплин, включая прежде всего языкознание, информатику, психологию и антропологию. По сути, речь идет о приложении данных, полученных в ряде научных дисциплин, что делает возможным как изучение процесса перевода, так и разработку эффективных методов обучения для совершенствования навыков эффективного перевода. Поэтому можно сказать, что перевод является по существу навыком, искусством и технологией, включающим соответствующее множество приемов, полученных на основе науки о человеческом поведении.

Приемы, заимствованные языкознанием у родственных дисциплин, как правило, никогда не воспринимаются без изменений. Напротив, они почти всегда подвергаются модификациям в свете конкретных задач и сущности перевода. В результате возникает разделяемая многими, хотя и не всеми, точка зрения, согласно которой теория перевода должна быть междисциплинарным направлением в рамках широкой области «Теория коммуникаций» (Studies in Communication), включающей теоретические понятия и методологические подходы, почерпнутые из любой области, связанной с коммуникацией [2, 7]. Из сказанного следует, что каким бы существенным ни был вклад языкознания в теорию перевода, перевод не может опираться лишь на лингвистику. Сказанное также справедливо в отношении всех упомянутых выше дисциплин и теоретических моделей. Они не могут служить всеобъемлющей теоретической базой теории перевода сами по себе, а лишь в сочетании с другими дисциплинами и моделями. Многомерный характер перевода требует эклектического подхода, то есть выбора оптимального варианта из различных источников. Однако следует признать, что подлинный синтез множественных подходов к изучению перевода в рамках единого понятийного аппарата еще не был полностью осуществлен. В основном это задача на будущее.

Экстраполируя линию развития теории перевода на будущее, можно предсказать дальнейшее развитие конвергентных тенденций, основанных на сближении и взаимодействии теории перевода с дисциплинами, изучающими те же или сходные процессы. Именно таким образом удастся, по-

* Данные тезисы подготовлены на основе доклада, сделанного автором на английском языке на Международной конференции в г. Монтерее (Калифорния, США), проведенной в январе 1999 г. на факультете письменного и устного перевода Института международных исследований (MIIS).

На русском языке тезисы опубликованы в материалах конференции: Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: Эволюция связей // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: Материалы научно-практической конференции (18 февраля 1999 г.). М.: Военный ун-т, 1999. С. 254–257. (Тезисы напечатаны С.В. Власенко под диктовку А.Д. Швейцера по телефону зимой 1999 г.)

Полный текст выступления А.Д. Швейцера на английском языке опубликован в: Tradition & Innovation in Translation & Interpreting // GSTI Proceedings. 30th GSTI Anniversary Conference (January 11–13, 1999). USA: Graduate School of Translation & Interpretation, Monterey (California). <<http://www.miis.edu/rcenters/>>

видимому, добиться синтеза различных подходов к изучению перевода, на основе которого сможет быть построена модель, учитывающая всю многогранность и многомерность этого явления.

Есть основания полагать, что мы приближаемся к поворотному пункту истории перевода. В течение тысячелетий перевод был профессией небольшой, порой элитарной, группы одаренных людей. Однако к концу XX века растущая важность мировой торговли и других глобальных процессов в сочетании с технологической революцией в значительной мере преобразовали профессию переводчика. Экономические и технологические силы повлияли на саму структуру этой профессии, вызвав ее переход от парадигмы, основанной на индивидуальной профессиональной деятельности, к модели профессиональных групп, небольших бюро и надомной деятельности в рамках профессиональных ассоциаций. И наконец, к парадигме, основанной на полномасштабной индустрии обслуживания.

Дальнейшее развитие перевода в XXI веке будет, по всей вероятности, учитывать широкие социально-технологические тенденции и, в частности, растущую диверсификацию и компьютеризацию коммуникативных процессов. Этот процесс

не сможет не отразиться на типах документов, подлежащих переводу. Новые «гипердокументы», которые войдут в широкое употребление, не смогут не отразиться на самом характере перевода и его национально-культурной локализации [3, 5–6].

Эта радикальная смена парадигмы не только изменила характер людей, занимающихся переводческой деятельностью, но и неизбежно влечет за собой изменения в характере их подготовки, а также в учете задач XXI века, как преподавателями, так и теоретиками перевода.

Литература

1. *Nida E.A.* Translating Meaning. USA: San Dimas, Cal., 1982.
2. *House J., Blum-Kulka S.* Introduction in Interlingual and Intercultural Communication. Germany: Tübingen, 1986.
3. *Shreve G.M.* Translation at the Millennium: Prospects for the Evolution of a Profession // Tradition and Innovation in Translation and Interpretation. Book of Abstracts. Monterey: Institute of International Studies, GSTI: Graduate School of Translation and Interpretation. USA: Monterey (California), 1999.

Основные труды А.Д. Швейцера

Монографии

1. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.
2. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.
3. Перевод и лингвистика. М., 1973.
4. Современная социолингвистика. Теория, проблемы и методы. М., 1976.
5. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
6. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
7. Контрастивная лингвистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 1995.

Книги на английском языке

8. Standard English in the United States and England. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1978.
9. Contemporary Sociolinguistics: Theory, Problems, Methods (Linguistics and Literary Studies in Eastern Europe, Volume 15). Amsterdam: John Benjamins Publishing Corporation, 1986.
10. Introduction to Sociolinguistics (Svejcer A.D., Nikol'skij L.B.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Corporation, 1986.

Книга воспоминаний

11. Глазами переводчика. М., 1996.

Жизнеспособность идей Учителя

© 2008

С.В. Власенко

Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера)

Богатейшая практика перевода еще ждет своего теоретического осмысления. Нами сделаны лишь первые, хотя и многообещающие, шаги в познании процесса перевода.
Александр Швейцер, 1988

Многомерный характер перевода требует эклектического подхода... подлинный синтез множественных подходов к изучению перевода в рамках единого понятийного аппарата еще не был полностью осуществлен. В основном это задача на будущее.
Александр Швейцер, 1999

Любая поисковая страница в глобальной информационной сети откроет доступ к имени Александра Давидовича Швейцера. Индекс цитируемости вполне заслуженный: тысячи ссылок и гиперссылок, что подтверждает масштаб творческой жизнеспособности и глубинную обоснованность положений научного наследия Мастера перевода.

Слова Александра Давидовича, ставшего классиком переводоведения еще при жизни, о том, что «перевод является по существу навыком, искусством и технологией, включающей соответствующее множество приемов, полученных на основе науки о человеческом поведении» [27, 255], сегодня актуальны, как никогда. Изучение перевода национальной – сначала советской и позже российской – школой в парадигмах не только лингвистической, но также деятельностной, психолингвистической и герменевтической теорий перевода [3; 4; 9; 12; 22], а позже в парадигме концептуальной теории [14; 20], базировалось на априорном понимании основателями отечественной школы того, что сфера деятельности переводчика и поведенческие модели социума выступают активными факторами-детерминантами перевода как процесса и как результата. Еще в 1973 г. А.Д. Швейцер отмечал, что «общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой и лингвистической географией» [23, 263].

ВЛАСЕНКО Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Российской правовой академии Минюста России, докторант сектора психолингвистики Института языкознания РАН.

Плодотворность данного вывода подтверждается сегодня, четверть века спустя, многочисленными публикациями отечественных и зарубежных переводчиков – теоретиков и практиков – о результатах исследований по тематически разнообразным интралингвистическим и экстралингвистическим проблемам перевода. Формируются новые направления исследований по выявлению переводческих универсалий, с одной стороны, и переводческих маргиналий – с другой, причем их изучение осуществляется на материале самых разных языковых пар. Каждому из этих направлений посвящены серьезные монографии отечественных (см., например, проспекты публикаций специализированных российских издательств, таких как www.rvalent.ru; www.urss.ru) и зарубежных переводоведов (www.benjamins.com и www.degruyter.com).

Статус современного переводоведения

Анализируя современный статус переводоведения, уместно обратиться к перечню актуальных исследований тех многообразных проблем, которые сопряжены с практической деятельностью переводчика – носителя особых навыков и пользователя особых методов и технологий, призванных воплотить особый вид искусства – искусства перерождения текстов через смену языковых кодов реализации. Последние три десятилетия исследования теории перевода вращались вокруг оси, которая суммирована в следующих словах А.Д. Швейцера: «В основе перевода как вида межъязыковой и межкультурной коммуникации лежит не столько нахождение соответствий отдельным языковым единицам, сколько продуцирование текста, адекватно заменяющего текст оригинала в другой культуре, другом языке и другой

коммуникативной ситуации» [24, 3]. Нетленность указанных слов А.Д. Швейцера подтверждает утверждение, касающееся понятия эквивалентной двуязычной коммуникации, которое было разработано в рамках науки о переводе российским переводоведом З.Д. Львовской, о том, что в межъязыковом переводе отношения коммуникативной эквивалентности между исходным текстом и текстом перевода должны непременно сохраняться [14, 162].

Иными словами, переводоведы разных стран проводили и продолжают проводить исследования, направленные на конкретизацию и дальнейшую аргументацию обоснованности концептуального аппарата науки о переводе. В то же время, формулировка и описание таких понятий, как «межъязыковая и межкультурная коммуникация», «коммуникативная ситуация», «виды и жанры исходных текстов», «межъязыковые соответствия» или их отсутствие, т.е. безэквивалентность единиц плана выражения, «механизмы и закономерности текстопостроения» и т.п., прочно вошли во все теоретические и прикладные исследования разных отраслей как собственно лингвистики, так и смежных с нею дисциплин (см., например, работы Р.Т. Белла, А. Даффа, Я. де Ваарда и Ю.А. Найды, У. Эко и др. [28; 29; 31; 35]).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, на которое с меткой прозорливостью указал А.Д. Швейцер, а именно – растущая массовость переводческой деятельности. «Мы приближаемся к поворотному пункту истории перевода, – отмечал А.Д. Швейцер. – В течение тысячелетий перевод был профессией небольшой, порой элитарной, группы одаренных людей. Однако к концу XX века растущая важность мировой торговли и других глобальных процессов в сочетании с технологической революцией в значительной мере преобразовали профессию переводчика» [27, 256]. С этими словами трудно не согласиться (см. к примеру, сайт «Города переводчиков» <http://www.trworkshop.net/cyclop/shtml>). Однако популярность профессии переводчика и ее растущая массовость, которые удалось предречь А.Д. Швейцеру, не должны становиться деструктивными для самой профессии, но, напротив, должны стать конструктивной, созидательной силой, способствующей воплощению лучших традиций отечественной школы и лучших образцов мысли зарубежного переводоведения. Для этого переводчикам необходимо осознавать себя участниками эстафеты профессиональных знаний, носителями системных знаний и навыков, соответствующих высоким стандартам профессионального мастерства, которые были установлены совсем недавно ушедшими классиками отечественной школы [11; 22; 23–27].

С течением времени переводческая деятельность приобрела вид могучего, разросшегося дерева, на котором продолжают появляться все но-

вые сильные ветви. Об этом ярко свидетельствует тематическое многообразие издаваемых монографий, сборников, периодических изданий, в том числе новых журналов, имеющих сетевые версии и потому доступных каждому переводчику в каждой точке мира. Общемировой бум перевода как вида деятельности и области исследований, наблюдаемый с конца 1990-х гг., объясняется различными причинами, среди которых можно выделить две главные: во-первых, глобализацию экономического пространства, следствием которой является растушевание таможенных, банковских и, что важно для переводоведения, культурных границ, и во-вторых, англизацию языков мира как следствие глобализации (о массовых заимствованиях англицизмов на примере шестнадцати европейских языков см. исследование немецкого лингвиста М. Гёрлаха [33, 163–167] и составленный им «Словарь англицизмов в европейских языках» [32], а также обзор его концепции в международном переводческом журнале «Babel» [30, 93–99]).

Русский как переводящий язык

Современный мир динамично воплощает идею глобализации экономического пространства, которая, с точки зрения лингвистически значимых процессов, сказывается на характере развития внутриязыковых механизмов функционирования языков-коммуникантов в представляемых ими культурах. В этом смысле русский язык – активный участник межкультурных языковых контактов, что обуславливает проявление особых статусных характеристик русского как переводящего языка принимающей культуры. Выступая в роли переводящего языка, русский демонстрирует ряд характерных особенностей, которые, по всей видимости, могут быть рассмотрены в рамках концепции лексического моделирования. В век глобализации мы ежедневно оказываемся свидетелями развития некоего «всеобщего» языка, или глобального языкового кода, о котором в той или иной мере мечтали лингвисты всех времен, – своеобразного *эсперанто*. Этим всеобщим языковым кодом выступает английский, транслитерируемый в большей или меньшей степени во все мировые языки.

Отметим, что с точки зрения переводоведения, учитывая важность системного знания языка перевода, важно уяснить базовые причины массовости заимствований англицизмов в русский, а именно: что демонстрирует данная тенденция, касающаяся современного статуса русского языка как переводящего языка принимающей культуры – создание параллельного языкового кода, лексические инновации или смену парадигмы номинации. В любом случае русский – инструмент перевода и объективированная языковая/речевая бытийность переводчиков.

Рассмотрение вопроса о статусе русского языка как переводящего языка принимающей культуры неразрывно связано со статусом перевода как дисциплины и его деятельностной парадигмы. Здесь следует вновь обратиться к мнению классика, который еще в 1988 г. отмечал, что «по-прежнему идут споры вокруг таких фундаментальных проблем, как статус теории перевода, сущность перевода, определение его границ, или, иными словами, четкое разграничение перевода и различных видов квазипереводческой деятельности» [25, 4]. Факты языковых нелепиц, неисчислимы примеры тавтологии и плеоназма в языке СМИ и речи представителей разных экспертных сообществ рождают ощущение квазипереводческих упражнений, выполняемых «наспех состряпанными» переводчиками или иными языковыми посредниками, выступающими в их роли.

В своих предыдущих публикациях по вопросу широкого употребления англицизмов в русском как переводящем языке [5–7] мы высказывали, в частности, точку зрения, согласно которой англицизмы, наводнившие также и десятки других языков¹, дают основания рассматривать их в качестве плана выражения глобального, или транснационального, языкового кода. Транслитерированные в кириллицу англицизмы делают принимающий русский язык частью глобального языкового кода. Действительно, существуют сомнения в истинной номинационной прозрачности высказываний следующего типа: «*Паевой траст спонсирует многие фьючерсы, а также спот-сделки между операторами в ритейле*»²; «*Контент сфокусирован на экшнере, но ни селебритиз, ни индустрия гламура не спешат спонсировать сопряженные с промоушенами затраты*»³; «*В городе можно было увидеть уличные перформансы*»⁴; «*Стаканчики для газировки пережили ребрендинг*»⁵; «*Крупные авиаузлы – это хабы с интермодальными терминалами*»⁶ и др.

¹ В той или иной мере англицизмы транслитерируются во все мировые языки, принимающие участие в глобальном языковом взаимодействии. На распространение английского в странах Европы в качестве языка-посредника, так называемого *lingua franca*, указывают многие европейские лингвисты (подробнее об этом см. [30; 32–34]).

² Программа «Зарубежный бизнес» на телеканале РБК от 12.05.2008.

³ По материалам программы «Частная жизнь» от 28.04.2007 на телеканале РБК [www.rbctv.ru].

⁴ Новости на телеканале РБК от 19.07.2008.

⁵ Программа «Вести» на телеканале «Россия» от 08.07.2008.

⁶ Программа «Интрига дня» на телеканале РБК от 10.06.2008.

Согласно нашей концепции языкового импорта пласт англицизмов в русском – это лексем-дублиеры, сосуществующие параллельно с характерными русскими способами языкового означивания действий и состояний актуализированных событий-прототипов, например: «*На японском о-ве Хонсю после двух землетрясений магнитудами 7 и 5,3 балла объявлено предупреждение о цунами*»⁷; «*Такого драйва на высшее образование, драйва на карьеру нет ни в одной стране мира!*»⁸. В этих примерах выражение «*произошло землетрясение магнитудой*» употреблено вместо «сила землетрясения составила...» или «землетрясение силой... произошло в...», а «*драйв на высшее образование, драйв на карьеру*» – вместо «высокая мотивация к образованию», «активное стремление к карьерному продвижению, служебному росту, продвижению по служебной лестнице» или «тяга к быстрому карьерному росту» [7].

Примечательно, что лексические инновации характерны в особенности для специальных языков сферы профессиональной коммуникации. Вместе с тем, широта языкового узуса англицизмов и частотность их присутствия в речевых действиях представителей разных профессиональных сообществ – от СМИ до отечественных экспертов, работающих на международной арене, – показательна не только для анализа растущего потенциала русского языка в части языкового моделирования, но и приобщения к глобальному языковому коду, который преимущественно выражен лексемами, имеющими романо-германскую этимологию.

Укажем на факты параллельного и одновременного функционирования в русском гибридных сложносоставных лексем с заимствованной транслитерированной в кириллицу морфемой и английской морфемой в исходном варианте: *хай-тек рынок* и *hi-tech рынок*, *ноу-хау новинки* и *know-how новинки*, *сидиромовые семинары* и *семинары на CD-ROM*, *хай-фай оборудование* и *Hi-Fi оборудование* и др. Отметим также популярность лексического моделирования по правилам английской синтагматики, например: *мейнстрим-сегмент рынка* или *гламур-фотографии*, которые, вероятно, свидетельствуют о попытках русскоговорящих смоделировать новые схемы в рамках русской словообразовательной парадигмы. Вместе с тем полагаем, что наличие в русском таких альтернативных примеров сложносоставных лексем, как *дресс-код*, *дресс-код* и *дресскод*, служит подтверждением чрезмерной гибкости русского языка как переводящего, а также многообразия его словооб-

⁷ Новостная строка на телеканале РБК от 19.07.2008.

⁸ Комментарий ректора одного из ведущих вузов России в программе «Время» на Первом телеканале от 17.07.2008.

разовательного потенциала и орфографической вариативности.

Перечень псевдорусских построений в русском избыточен. Представляется, что, наводняя современный русский лексикон, они указывают на распространенное явление квазипереводческих соответствий. Под квазипереводом мы понимаем доступный каждому неспециалисту вид языкового посредничества, не предполагающий ни серьезной лингвистической подготовки, ни навыков работы со специальной словарно-справочной литературой, ни развитых навыков текстовосприятия и текстопостроения [5, 79; 7]. Именно появление таких квазипереводческих единиц в переводящем русском языке, на наш взгляд, представляет единственный серьезный негативный результат спрогнозированной А.Д. Швейцером массовости переводческой деятельности. Что касается межъязыкового перевода, то он всегда оставался и остается тем видом деятельности, который возможен исключительно и только при условии владения навыками означивания предметно сложных смысловых (текстовых) пространств и языковой компетентности, по меньшей мере, в одной языковой паре. Безусловно, все зависит от ракурса рассмотрения проблемы: англицизмы можно воспринимать и как символы языковых инноваций, воплощающие креативность русскоговорящих, и как новые языковые модели, создаваемые носителями русского языка, что свидетельствует о массовом изменении их культурно-языковых стереотипов и смене речевого портрета. Массовость употребления заимствований указывает на популярность лексического моделирования как способа словесных аранжировок и его далеко не исчерпанные ресурсы. Однако мы полагаем, что характер использований заимствований в русском есть не что иное, как следствие языковых амбициозных предпочтений русскоговорящих коммуникантов или откровенной англомании переводчиков, не в полной мере обладающих переводческой компетентностью и стремящихся позиционироваться в качестве современных субъектов глобального мира в условиях многоязычной и гетеровалентной коммуникации (термин З.Д. Львовской).

Институциональные аспекты переводоведения

Многokrратно увеличилось и продолжает увеличиваться число институциональных структур, отражающих возросший статус переводческой деятельности в социуме: ассоциаций, гильдий и союзов переводчиков, переводческих обществ, клубов и т.п. (см., например, список постоянных и ассоциированных членов, кандидатов в члены и наблюдателей *Международной федерации переводчиков (International Federation of Translators, FIT)*. При этом знаменательно, что многие националь-

ные союзы и гильдии переводчиков образуют сети региональных филиалов.

Производит впечатление и календарь предстоящих событий Международной ассоциации переводчиков на 2009 г.: в нем отсутствуют следы геополитической дискриминации – международные конференции по переводу запланированы без преувеличения на всех континентах – от Объединенных Арабских Эмиратов до Кубы и от Великобритании до Австралии.

Ниже суммированы события, которые красноречиво свидетельствуют в пользу переживаемого в мире в настоящее время бума переводческой деятельности:

- наличие профессионального праздника – Международного дня переводчика – 30 сентября; введен в 1991 г. *Международной федерацией переводчиков, FIT* (о FIT см. ниже); дата соответствует дню памяти покровителя переводчиков – Иеронима Стридонского – первого из известных переводчиков Святого Писания на латинский язык (30 сентября 420 года);

- растущее число российских переводческих объединений – *Союз переводчиков России* (<http://www.translators-union.ru/>), *Национальная лига переводчиков России* (<http://www.russian-translators.ru>, см. там же их региональные сети);

- активная деятельность *Европейского общества переводоведения – European Society for Translation Studies* (<http://www.est-translationstudies.org>); *Палаты литературных переводов* при ЮНЕСКО – *UNESCO's Clearing House for Literary Translation* (<http://portal.unesco.org/culture>), объединяющей переводчиков, издателей, исследователей, архивариусов и преподавателей, занятых в производстве, обработке, распространении и популяризации литературно-переводческой продукции стран-членов ЮНЕСКО;

- популяризация существующей уже 75 лет, начиная с 1932 г., Базы данных ЮНЕСКО «*The Index Translationum*», которая вмещает сведения о фонде переведенной в мире литературы: около двух миллионов изданий, переведенных в разных странах мира; эта База данных является своего рода международной библиографической копилкой переводов; пополнение данного ресурса происходит оперативно именно сегодня, благодаря прогрессу информатизации;

- внушительное количество проводимых международных конференций, о которых постоянно сообщается на веб-странице *Международной федерации переводчиков* (<http://www.fit-ift.org>); на веб-странице *Института устного и письменного перевода Великобритании – Institute of Translation & Interpreting* (www.iti.org.uk) и др.;

- регулярный выпуск календарей готовящихся и вышедших тематических публикаций в специализированных издательствах России, в ча-

стности, «Р. Валент» (<http://www.rvalent.ru>), КД «Либроком» (<http://urss.ru>) и др.;

- популяризация зарубежными издательствами, специализирующимися на лингвистической тематике и, в частности, на переводоведении, в том числе такими известными, как *John Benjamins* (<http://www.benjamins.com>), исследований по разным направлениям переводоведения через подробное информирование читателей о планах готовящихся и вышедших публикаций, наличии книг в продаже, ценах, кратком содержании, сведениях об авторах и возможностях заказа публикаций;

- выпуск российских журналов для практикующих переводчиков: «Мосты» (<http://www.rvalent.ru/Mosts.html>), «Мир перевода» (<http://www.translators-union.ru/periodicals/transworldjournal>), издаваемый с 2005 г.; Забайкальский региональный научно-художественный журнал «Переводчик» (<http://www.translators-union.ru/actual/>) – печатный орган *Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России* (СПР);

- выпуск международных журналов по переводу, например, *Babel* (<http://www.fit-ift.org/en/journal-e.php>), электронная версия которого существует с 2000 г. (<http://www.ingentaconnect.com/content/>);

- выпуск международных сетевых журналов по переводу, например, *Translation Journal* (<http://www.translationjournal.net/journal/papers.htm>); региональных журналов, например, *The Gotham Translator* – органа *Нью-Йоркского кружка переводчиков* (<http://www.nytranslators.org>) и др.;

- развитие в России образовательной сети по обучению теоретическим основам перевода и развитию практических навыков в традиционных центрах лингвистической подготовки – МГУ, МГЛУ, МГИМО, ведомственных академиях и университетах; появление факультетов и кафедр перевода в сфере профессиональной коммуникации в таких вузах России, которые ранее не были включены в производство данного образовательного продукта, в частности, многочисленные неязыковые вузы, например, МГЮА, МАДИ и др., число которых превысило пятьдесят;

- развитие предпринимательства, в том числе частного: в настоящее время на территории России насчитывается свыше 1000 переводческих агентств и фирм, не считая частнопрактикующих переводчиков; растет число частных колледжей, школ и курсов переводчиков.

Перечисленные факты позволяют сделать вывод о фактическом и безусловном интересе к профессии переводчика, о популярности перевода как вида деятельности, о переводе как объекте не только лингвистического, социо- и психолингвистического, герменевтического, когнитивного, но и гносеологического, и историко-философского анализа [1], а также о востребованности переводчиков на современном этапе социально-экономи-

ческого развития общества. К сожалению, растущие масштабы переводческой деятельности не гарантируют растущего качества конечного продукта перевода – текста, однако эта тема выходит за рамки настоящего очерка (подробнее о многоаспектности знаний в переводе см. [4, 79–80; 6–8; 17, 102–111]).

Информационные технологии в переводческой деятельности

Особое место занимают вопросы информатизации переводческой деятельности. Справедливости ради отдадим должное дальновидности зарубежных теоретиков перевода в лице французского лингвиста Ж. Мунэна, писавшего в 1963 г. о том, что «использование ЭВМ в качестве машин, способных переводить, ставит и будет ставить лингвистические проблемы, связанные с анализом всех операций по переводу» [15, 39].

Оставив в стороне многочисленные «скороходящие» текстовые процессоры, снабженные разными языками и именуемые «карманными переводчиками», обеспечивающими поверхностный уровень бесед в международных аэропортах, гостиницах, местах паломничества туристов и др., остановимся на серьезных средствах информатизации переводческого процесса. К ним, в частности, относится дорогостоящая система комплексного программного обеспечения «Трейдос» (*Trados*), включающая компоненты: *Trados MultiTerm*, *Trados Workbench*, *Trados TagEditor*. Данная система программного обеспечения (ПО) повышает производительность труда корпоративных переводчиков благодаря способности оперативно распознавать повторяющиеся или похожие фрагменты текста, предлагая для них прецеденты перевода, содержащиеся в базе данных ПО (о важности учета прецедентов перевода подробнее см. [4, 77–80; 13, 148]). Однако, будучи доступной незначительному количеству крупных многонациональных компаний, *Trados* обеспечивает заметную экономию рабочего времени лишь корпоративным переводчикам. Бесспорно, для использования подобного рода технологий переводчику – независимо от его формы занятости – недостаточно банальной компьютерной грамотности: следует уверенно ориентироваться в современных компьютерных технологиях.

В то время как реальные возможности отмеченного пакета ПО “*Trados*” ограничены объективными рамками машинного перевода, следует признать, что эта система символизирует прорыв в переводческих технологиях и искусственном интеллекте, представляя технологию переводческой машинной памяти (*Translation Memory*, *ТМ*). Среди пользователей она именуется для лаконичности «переводческой памятью» вместо правильного, но неуклюжего варианта: «автоматизированная система машинного перевода, обеспечивающая

опознание ранее введенных в базу прецедентов перевода, в процессе обработки вновь вводимых текстов, база данных которой строго предметна» (на основе [45]). Для освоения различных компонентов этого пакета, а именно: *Trados MultiTerm*, *Trados Workbench*, *Trados TagEditor*, предназначенных для создания баз данных ранее выполненных переводов, уже составленных или еще ведущихся глоссариев, для перевода *html*-файлов и т.д., представители корпорации “*Trados*” регулярно проводят в разных странах однодневные семинары и (или) практикумы через сеть созданных представительств. Использование указанной системы по существу рентабельно лишь при наличии огромных потоков текстовой работы, что, как правило, имеет место в крупных корпорациях с обширной сетью филиалов в разных странах и насущной потребностью в межъязыковом переводе. Однако пакет ПО “*Trados*” является общепризнанным стандартом в сфере электронной переводческой памяти.

Нельзя не признать оперативности доступа к справочному массиву и, как следствие этого, практического удобства электронных ресурсов, в основном, электронных словарей, в частности: www.multitran.ru; АБВУ Lingvo (www.abbyu-Lingvo), электронного ресурса (www.yandex.ru/slovari) и прочих для работы в домашних условиях. Отметим, однако, что относиться к электронным словарям следует избирательно вследствие большого числа весьма сомнительных словарных соответствий, бесчисленных орфографических и стилистических ошибок, а также неточных прагматических помет, касающихся частоты и сферы употребления терминологических лексем и фразеологем. Эти факты подтверждают непреходящую ценность традиционной лексикографии, в особенности для перевода в сфере профессиональной коммуникации; среди прочих специализированных словарей и энциклопедий выделим бесспорно ценные [36–44].

Перевод в сфере профессиональной коммуникации

Специально остановимся на переводе в сфере профессиональной коммуникации – молодой и набирающей небывалые обороты области переводческой деятельности. Данная сфера деятельности чрезвычайно требовательна в отношении общей компетентности и индивидуально-личностных характеристик переводчика не только как посредника, но и как участника профессиональной коммуникации. Объектом современной профессиональной переводческой практики преимущественно являются тексты, характер которых не оставляет места монотематической проблематике, а отражает межотраслевое взаимодействие, отвечающее природе современных коммуникативных процессов и многообразных социально-экономических

контекстов их протекания. При этом пограничность или наложение областей деятельности, гипотетичность условий их реализации для переводчика, высокая концептуальная насыщенность и достаточно условная соотносительность терминологических систем, описывающих эти виды деятельности, – вот лишь некоторые из проблемных зон, в рамках которых протекает ежедневная работа переводчиков в сфере профессиональной коммуникации [4, 16–90; 17].

Наличие у каждого переводчика некоторой совокупности личностных характеристик, соотносимых с его профессиональной компетентностью и индивидуальным профессиональным опытом, которые определяют состояние общего континуума его знаний (общего фонда знаний), является одновременно следствием текущего состояния его *когнитивного профиля*. Полагаем, что термин «когнитивный профиль», предложенный нами еще в 1996 г. [3, 4] и одобренный А.Д. Швейцером, служит видовым термином переводоведения, позволяющим интегрировать и обобщенно представлять такие составляющие индивидуального сознания переводчика, как фонд знаний, в свою очередь включающий профессиональный опыт и познавательную деятельность в широком смысле. Данный термин обозначает накопленный переводчиками в ходе профессиональной деятельности интеллектуальный потенциал, обеспечивающий реализацию базовых когнитивных механизмов и процессов, стоящих за текстовосприятием и текстопостроением [4, 33–35]. Возможно, в силу комплексного характера знаний и навыков, требующихся переводчикам профессионально ориентированных текстов, на рынке переводческой литературы совсем не много книг и учебников по этой молодой отрасли переводоведения.

Наряду с экспертными, отраслевыми знаниями, переводчику сегодня необходимы знания и навыки использования информационных технологий, загрузки прецедентов переводов, созданных и одобренных экспертным сообществом, в базу данных “*Trados*” или иные базы данных, опыт оперативного сравнительного анализа имеющихся переводческих прецедентов в условиях лавинообразного роста лексикографических изданий, защиты персональных компьютеров при работе со страницами глобальной информационной сети и т.п. Все сказанное созвучно следующим словам А.Д. Швейцера, когда он, разделяя убеждения американского переводоведа Ю.А. Найды, писал: «Перевод, рассматриваемый как технология, основывается... на ряде научных дисциплин, включая, прежде всего, языкознание, информатику, психологию и антропологию» [27, 255].

Навыки переводчика в сфере профессиональной коммуникации более не ограничиваются знанием двух-трех иностранных языков, отточенными навыками текстопостроения и устойчивыми

умениями текстосприятия. Мы разделяем еще одно мнение А.Д. Швейцера, утверждавшего, что «каким бы существенным ни был вклад языкознания в теорию перевода, перевод не может опираться лишь на лингвистику» [27, 255]. Сегодня задачи современного профессионального переводчика в сфере профессиональной коммуникации значительно расширились именно в связи с неустойчивым ростом масштабов корпоративной деятельности многонациональных компаний и предприятий. В этом видится следствие глобализации не только экономического, но и терминологического пространства, навязчивой англизации многих предметных сфер, в особенности банковско-биржевой (об этом см. наши рассуждения выше в связи со статусом русского как переводящего языка), и принципиально новых форм информатизации текстовой работы. И здесь был прав А.Д. Швейцер, говоря о «новых "гипердокументах", которые войдут в широкое употребление и не смогут не отразиться на самом характере перевода и его национально-культурной локализации» [27, 256–257]. Перевод в сфере профессиональной коммуникации – многоаспектная отрасль переводоведения и «многоуровневый» объект исследований. Именно поэтому, видимо, при очевидной востребованности данного вида перевода не только в национальном, но и в международном масштабе, представленная на книжном рынке литература отражает довольно робкие попытки его описания.

Правовые аспекты переводческой деятельности

Нельзя не упомянуть также о правовых аспектах переводческой деятельности. С января 2008 г. вступила в действие 4-я часть Гражданского кодекса РФ, регулирующая вопросы авторского права и смежных прав. Данная часть отечественного гражданского законодательства регулирует «право на перевод», которое предполагает заключение переводчиками определенных видов гражданско-правовых договоров в рамках сотрудничества с издателями или иными заказчиками. Это право также подразумевает насущную необходимость понимания переводчиками того, какой тип договорных отношений связан с сохранением переводчиком статуса владельца интеллектуального продукта, коим является перевод, в том числе исключительного права на созданный перевод. Данное право также подразумевает обязанность переводчика знать о существующих средствах защиты своих авторских прав на выполняемый перевод.

Как уже говорилось, в настоящее время переводческий процесс все в большей мере рассматривается в широком контексте, с учетом его социальных, культурных и психологических аспектов, о чем писал А.Д. Швейцер [27, 255]. Другими словами, перевод как вид деятельности не может бо-

лее рассматриваться в отрыве от социокультурных факторов, формирующих его стратегии и нормы. Учитывая это обстоятельство, следовало бы, в частности, обратить особое внимание на классические дихотомии теории перевода адекватность–неадекватность и эквивалентность–неэквивалентность. Нет такой страны и такого переводоведа, которые вновь и вновь не обращались бы к этим вечным дихотомиям.

Именно в связи с возросшей ролью перевода как объекта авторского права следует более четко формализовать ряд классических, но до сих пор по-разному понимаемых теоретиками базовых понятий переводоведения. Если представить себе, что перевод как продукт деятельности переводчика рассматривается в буквальном смысле как «слепок» исходного текста, то современные концепции перевода вряд ли будут подспорьем в позиционировании переводчиком своего профессионального кредо перед издателем или иным заказчиком. На сложность разграничения взаимосвязи между базовыми категориями перевода А.Д. Швейцер указывал в 1988 г. в своей известной монографии, где говорил о том, что «в центре внимания теоретиков перевода оказались такие важные вопросы, как эквивалентность и ее типы, процедуры и стратегии перевода, перевод как коммуникативный акт, прагматика перевода. При этом далеко не всегда удается выявить взаимосвязь между этими аспектами перевода и их отношение к традиционной проблематике» [25, 4].

Известный переводчик научно-технической литературы Е.К. Масловский выражает сходное мнение об актуальности более четкого позиционирования переводчиков на рынке труда, отмечая в одной из своих статей, что важной проблемой научно-технического перевода является «культура взаимоотношений между бесправным переводчиком и всемогущим работодателем в свете финансовых, моральных, этических и юридических аспектов»⁹.

Понимание вопросов правовой защиты авторского права, скажем, писателя, без юридически правомерного решения вопроса об эквивалентном переводе может оказаться большим проблемным полем для переводчиков, в особенности художественного жанра и произведений смешанных форм художественного творчества (музыкально-сценического, кинематографического и др.). Даже в других условиях социума слова А.Д. Швейцера о неизбежном наличии «веера альтернатив», о «неединичности переводческого решения» [23, 264] становятся еще более злободневными. Указанное ут-

⁹ Масловский Е.К. Актуальные проблемы научно-технического перевода (см. сайт Ассоциации лексикографов Lingvo: <http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/maslovsky_a1.asp>).

верждение еще раз подчеркнуто известным отечественным переводоведом-испанистом З.Д. Львовской в ее программной монографии, где она утверждает, что «может существовать много текстов перевода, эквивалентных одному и тому же исходному тексту» [14, 75]. Аналогичную идею высказал эстонский теоретик перевода П. Тороп, указывавший, что «граница между текстовым и внетекстовым не совпадает у читателя оригинала и читателя перевода» [19, 68–69].

В ходе наших рассуждений о правовом поле переводческой деятельности уместно обратиться к концепции У. Эко, который проводит аналогию между процессом перевода в той части, которая связана с передачей смысла исходного текста, и механизмами референции как необходимостью денотативной фиксации текста перевода, т.е. увязки текста с реальными или гипотетическими контекстами и ситуациями жизни. В частности, У. Эко отмечает, что передача смысла связана с «сохранением существенных референций и непринужденностью обращения с референциями побочными». При этом реальных формулировок «существенности» он не приводит. Далее он утверждает, что переводчик действительно «предстает вовлеченным в ряд актов выбора», при которых выбор модели истолкования текста ни для читателя как получателя сообщения, ни для переводчика не связан с реальной свободой, так как им «не позволено выдвигать *любые* гипотезы» [23, 190–191]. Это делает не совсем понятным общий взгляд известного автора, книги которого переведены на все известные языки мира, на проблемы буквальности–вольности перевода как продукта переводческой деятельности.

Кроме того, здесь нельзя вновь не обратиться к концепции З.Д. Львовской, справедливо отмечавшей, что «формальная близость к исходному тексту никогда не может служить ориентиром для переводчика. Единственное понятие близости, которое подходит в этом случае, связано с максимально возможной верностью концептуальной программе автора исходного текста, вне зависимости от языковых средств, которые надлежит использовать с этой целью в тексте перевода» [14, 77]. Учитывая, что такие названные З.Д. Львовской категории, как «концептуальная эквивалентность», «формальная близость текстов оригинала и перевода», а тем более «верность концептуальной программе автора исходного текста», не формализованы в нормативно-правовом языке и не являются реалиями правового пространства, работа переводчиков, в особенности в книгоиздательском деле, может быть существенно затруднена.

Правовые аспекты занятия переводческим ремеслом должны, несомненно, становиться все более осмысленными всеми переводчиками, причисляющими себя к профессиональному сообществу и осуществляющими свою деятельность в

рамках растущей правовой культуры нашего общества.

Популяризация достижений переводоведения

Популяризация достижений переводоведения – важное направление развития, без которого массовость деятельности по межъязыковому посредничеству может заметно исказить статус профессии. Целесообразно, приводя теоретически обоснованные выводы озаренных знаниями современных теоретиков перевода, как отечественных, так и зарубежных, не забывать о том, что вне парадигмы переводоведения остается основная масса потребителей перевода как продукта интеллектуальной деятельности. Другими словами, принимающая аудитория, находясь по другую сторону, «извне» концептосферы теории перевода, не может и, вероятно, не должна понимать эксклюзивные по своей значимости выводы переводоведов. Таково положение дел, как бы мы к этому ни относились: правовая и эмоциональная оценка переводческого труда преимущественно дается принимающей аудиторией. В связи с этим, к примеру, могут остаться непонятыми и непризнанными убедительные по своей глубине и аргументированности выводы о качестве переводе, сделанные отечественным теоретиком-германистом Т.А. Фесенко, которая заключает, что «лингвокогнитивной основой понимания и оптимального перевода является согласованность уровней концептуальных систем представителей тех или иных лингвокультурных миров, в частности, автора исходного текста и его переводчиков и соотношения личностных картин мира» [20, 98]. Аналогичное справедливо и для вывода, сделанного переводчиком-китаистом и психолингвистом Ю.А. Сорокиным о некачественном переводе как следствии «денотативной расфокусировки», т.е. акцентуации в тексте перевода тех признаков денотата, которые факультативны и потому искажают структуру денотативного пространства оригинального текста [18, 76]. Хотя указанный термин соотносится с предложенными нами еще в 1996 г. терминами «смещение фокуса референции» и «расширение фокуса референции» в связи с анализом действий переводчика в условиях плотно лаконизированных текстов и обозначения процедурных тонкостей с позиций психолингвистики (подробнее об этом см. [3, 39–43; 8]), мы считаем справедливым признать лаконичность термина Ю.А. Сорокина как его неоспоримое преимущество. Вместе с тем, лаконизм термина не является исчерпывающим аргументом для его признания заказчиками переводов в качестве признанного критерия оценки качества переводческого продукта – текста перевода.

Один из злободневных и «вечных» вопросов переводоведения, дискуссии по которому не сти-

хают вот уже несколько десятилетий, касается минимальной единицы перевода и интересно решается с позиций лингвистики текста. Так, вслед за Б.С. Кандинским, К.А. Филиппов небезосновательно утверждает, что «текст воспринимается человеком прежде всего как определенный аналог некоторых событий (фактов), на основе которых происходит его дальнейшая интерпретация» и что выделяемая в ходе такой интерпретации единица событийности текста – «предикатема» – представляет предикатно-аргументную структуру», что позволяет свести воедино понятие пропозиционального строения предложения с понятием элементарных составляющих текста, а также что устойчивость предикатем в разных языках подтверждена экспериментально (цит. по [26, 298–299]). Несмотря на безусловную научную и экспериментальную обоснованность, а также важность таких теоретических выводов для переводоведения, легкость их усвоения студентами переводческих факультетов в части практического применения к переводческой деятельности представляется труднодостижимой.

Кроме того, недостаточно прозрачными для начинающих переводчиков могут оказаться выводы маститых зарубежных переводоведов, предлагающих использовать изоморфность в качестве единственного корректного критерия при установлении адекватности межъязыковых соответствий в рамках общей концепции функциональной эквивалентности [35, 63–77].

Видимо, уже пришло время разрабатывать и такое направление переводоведения, как научно-популярное, направленное не на упрощение, но на адекватную и адаптированную популяризацию замечательных теоретических и научно-практических наработок переводоведов разных времен и стран. Одним из достойных образцов такой работы можно назвать книгу «Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней)» [16]. Представляется, что внутри этого направления уместно локализовать лингводидактику перевода, поскольку важнейшими принципами преподавания перевода в вузе являются формирование общей лингводидактической базы и конкретно-языковая методологическая адаптация сложных теоретических выводов переводоведения на базе конкретных языковых пар. Такая адаптация требует от авторов учебных материалов незаурядного профессионального мастерства, большого опыта и особого дара изложения, которыми владеют далеко не многие переводчики-практики, взявшиеся за перо. Удачными практическими курсами перевода на материале языковой пары английский–русский являются книги признанного переводчика-эксперта В.Н. Крупнова (см. учебное пособие [10]), а также опытного синхронного переводчика Е.В. Бреуса, в частности [2].

Этика переводческой деятельности

В заключение о главном: о наших переводческих корнях, об отечественном классике перевода А.Д. Швейцере. Уместно вспомнить один эпизод из личной переводческой практики. Однажды, во время тематически сложного и изнурительного по формату исполнения переводческого задания за границей, требовавшего интегрированных навыков синхронного и последовательного перевода, а также устойчивых наработок письменного перевода узкоспециальных и междисциплинарных текстов, мой старший коллега, к слову, никогда не интересовавшийся наследием А.Д. Швейцера, сказал мне: «Честно признаюсь, мне не важно, что переводить и с кем переводить, главное – какая в конце сумма прописью, а она у нас – достойная». Этим словам хотелось бы противопоставить слова Александра Давидовича Швейцера, ушедшего не вчера, но по-прежнему живущего в душе и мыслях многих моих коллег. Воспитав несколько поколений переводчиков своими книгами и своим примером блестящего практика с виртуозной памятью и взаимозаменяемостью языковых кодов, Александр Давидович сделал самое главное как Учитель – передал свое отношение к делу и коллегам, вновь оставшись верным себе: «Люди... с которыми свела меня судьба, вызывают у меня светлые, радостные воспоминания. Ведь синхрон – это не только нелегкий труд, но и приносящее удовлетворение состязание в мастерстве, и, что самое главное, это – "праздник, который всегда с тобой", переносающий тебя из атмосферы будничной повседневности в совершенно другой мир. И в этом мире одна из самых больших радостей – это радость общения с товарищами по ремеслу» [26, 96].

Литература

1. Автономова Н.С. Познание и перевод: Опыты философии языка. М., 2008.
2. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998.
3. Власенко С.В. Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
4. Власенко С.В. Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь // Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский. М., 2006.
5. Власенко С.В. Массовая «колонизация» англичанами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации // Вопр. психолингвистики. 2007. № 6.
6. Власенко С.В. Адаптивность русского языка как переводящего в англо-русском коммуникативном взаимодействии // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. ст. М., 2008. Вып. 36. (http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_36.pdf)

7. Власенко С.В. Англо-русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. 2009. № 1.
8. Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопр. психолингвистики. 2007. № 5.
9. Клюканов И.Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989.
10. Крупнов В.Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М., 2005.
11. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001.
12. Крюков А.Н. Теория перевода. М., 1989.
13. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М., 2003.
14. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода / Пер. с исп. М., 2008.
15. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. ст. / Пер. с англ., нем., франц. М., 1978.
16. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М., 2006.
17. Рябцева Н.К. Металингвистические знания в теории и практике перевода // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. тр. М., 2007.
18. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
19. Тороп П. Тотальный перевод. Таллин, 1995.
20. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. Тамбов, 2001.
21. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб., 2003.
22. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М., 1987.
23. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
24. Швейцер А.Д. Предисловие // Текст и перевод / В.Н. Комиссаров, Л.А. Черняховская, Л.К. Латышев. М., 1988.
25. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
26. Швейцер А.Д. О себе и о коллегах // Швейцер А.Д. Глазами переводчика. М., 1996.
27. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: Эволюция связей // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: Материалы научно-практической конференции ВУМО (18 февраля 1999 г.). М., 1999.
28. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Ковалю. СПб., 2006.
29. Bell R.T. Translation and Translating: Theory and Practice / Gen. ed.: G.N. Candlin. (Applied Linguistics and Language Study). L.; N.Y., 1991.
30. Cairn J., Görlach M. English Words Abroad // Babel. Netherlands: John Benjamins Publishing Company. Vol. 52. 2006. № 1.
31. Duff A. Translation. Oxford, 1991.
32. Görlach M. Dictionary of European Anglicisms. L., 2001.
33. Görlach M. English Words Abroad // Terminology and Lexicography Research and Practice Series. Netherlands, 2003.
34. Multilingual Europe. Facts and Policies: Coll. Art. / Extra G., Gorter D. (Eds.). Berlin; N.Y., 2008. (Series VIII).
35. Waard J., Nida E.A. From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, 1986.

Словарные издания

36. Англо-русский словарь по экономике товародвижения / Сост. А.Н. Родников. М., 2001.
37. Англо-русский словарь страховых терминов / Сост. Н.Л. Воронина, Д.А. Воронин. М., 2001.
38. Большой англо-русский финансово-экономический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. М., 2000.
39. Большой англо-русский юридический словарь / Сост. А.Г. Пивовар. М., 2003.
40. Новый англо-русский банковский и экономический словарь / Сост. Б.Г. Федоров. СПб., 1995.
41. Современный англо-русский страховой словарь / Сост. В.А. Королькевич, Ю.В. Королькевич. М., 2002.
42. Финансовый словарь: В 2 т. / Сост. В.Я. Факов. М., 2005. Т. I: Англо-русский словарь. Т. II: Русско-английский словарь.
43. Business Dictionary: English-Russian / Gen. ed. Jorgen Hoedt. 2nd ed., rev. M.; Copenhagen, 1999.
44. Business Dictionary: Russian-English / Gen. ed. Jorgen Hoedt. M.; Copenhagen, 1999.

Электронный ресурс

45. ABBYY LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, Version 8. – ABBYY Software Ltd., 2006. (www.Lingvo.ru)

MODERN TRANSLATION STUDIES: BOUNDLESS HORIZONS
AND CURRENT DEVELOPMENTAL PROBLEMS
Essay in Honored Memory of Prof. Alexander Shveitser (1923–2002)

S.V. Vlasenko

Summary

The article honors the memory of late Prof. Alexander Shveitser, righteously believed to be one of the leading figures in Russian Translation Studies, whose 85th anniversary was celebrated on December 8, 2008, as a major event in translators'

community. The essay concisely captures some topical aspects of professional translation activities and the current status of new research areas, such as the need in raising awareness of legal issues which is indispensable for all translation-related activities, computerized information-processing and translation memory software, much-felt urge for popularizing major theoretical findings elaborated within the national Translation Studies school, etc. Many useful references to websites relevant for both commencing and well-established professional translators alike are provided herein.

